

<https://doi.org/10.25312/j.10676>

Izabela Kozera-Sławomirska <https://orcid.org/0000-0001-6852-4132>
Jagiellonian University
e-mail: izabela.kozera@uj.edu.pl

Эвиденциальность в турецко-русском сопоставительном освещении (на материале перевода)*

Evidentiality in Turkish–Russian comparative perspective (based on translation)

Аннотация

В статье рассматривается категория эвиденциальности в турецком языке и способы её передачи в русском переводе на материале романа Орхана Памука и его русскоязычной версии. Исследование опирается на анализ параллельных художественных текстов как привилегированного источника данных о межязыковой интерпретации грамматических значений. Турецкий язык располагает грамматикализованными средствами выражения эвиденциальности, прежде всего формами прошедшего времени на *-miş*, которые маркируют косвенную засвидетельствованность события, выводимость знания или дистанцированность говорящего от сообщаемого факта. В русском языке эвиденциальность не представлена как самостоятельная грамматическая категория, что приводит к её систематической нейтрализации или компенсации при переводе. Анализ переводов показывает, что в русском языке данное противопоставление не имеет прямого морфологического эквивалента и воспроизводится лишь частично – за счёт контекстуального выбора вида, изменения нарративной перспективы или перераспределения семантических компонентов между глагольной формой и лексическим окружением. Таким образом, эвиденциальность в переводе оказывается подчинённой общей стратегии аспектуально-модальной интерпретации текста.

Ключевые слова: эвиденциальность, глагол, типология грамматических категорий, сопоставительный анализ, перевод, русский, турецкий

---

* Niniejsza publikacja została sfinansowana ze środków Priorytetowego Obszaru Badawczego Heritage w ramach Programu Strategicznego Inicjatywa Doskonałości w Uniwersytecie Jagiellońskim.

Abstract

This article examines evidentiality in Turkish and the strategies used to render it in Russian translation, based on parallel fragments from Orhan Pamuk's novel *Masumiyet Müzesi* and its Russian translation. The study applies a comparative analysis of parallel literary texts to investigate the cross-linguistic interpretation of grammatical meaning. Turkish has grammaticalized markers of evidentiality, especially the past tense form in *-miş*, which signals indirect evidence, inference, or the speaker's distance from the reported event. Russian, however, lacks evidentiality as an independent grammatical category, which leads to its neutralization or partial compensation in translation. The analysis shows that Russian has no direct morphological equivalent for Turkish evidential forms; evidential distinctions are conveyed only partly through contextual aspectual choices, shifts in narrative perspective, and lexical means. The study concludes that, in translation, evidentiality becomes subordinate to broader aspectual and modal interpretation strategies.

Keywords: evidentiality, verb, typology of grammatical categories, comparative analysis, translation, Russian, Turkish

Введение

Эвиденциальность на протяжении долгого времени воспринималась как «экзотическая» категория и фигурировала под различными названиями. Значительное влияние на изучение этой категории в европейской лингвистике оказали исследования языков американских индейцев (Ф. Боас, Э. Сепир), в дальнейшем труды Р.О. Якобсона (1957, 1971), публикации сборников под ред. А. Айхенвальд, Р.М. Диксон (Aikhenvald, Dixon, 2003), под ред. В. Чейф и Й. Николс (Chafe, Nichols, 1986), под ред. З. Генчевой и Ж. Ландабуру (Guentchéva, Landaburu, 2007), работа Т. Уиллета (Willett, 1988) (подробнее, см. Плунгян, 2011: 455, 457–459), ср.:

[...] эвиденциальность сразу была признана типологами, включена в Универсальный грамматический набор и стала интенсивно изучаться (и обнаруживаться) в самых разных ареалах [...] (Плунгян, 2011: 441–442).

Термин «evidential» (лат. *evidentia*) принадлежит Ф. Боасу, который в начале XX века впервые обратился к эвиденциальной семантике на материале языков Северной Америки (в частности языка квакиутль) (там же, 458). Указанное понятие закрепилось в контексте типологических исследований в работе Р.О. Якобсона (Якобсон, 1971: 135, цит. за по Плунгян, 2011: 460), который впервые указал на возможность изучения этой категории в рамках грамматических систем неродственных языков.

Эвиденциальность, т.е. указание на источник информации о сообщаемой ситуации, в разных языках мира образует систему грамматических показателей (Плунгян, 2011: 449) – их наличие может быть обязательным (напр. самодийские языки), либо факультативным для глагольной формы.

[...] в разных языках эвиденциальность может быть представлена различными способами и маркерами, часто несопоставимыми по форме (Кобрина, 2005: 86).

Исследования по этому вопросу привели к выделению так называемого «Большого эвиденциального пояса» (англ. *Great Evidential Belt*), т.е. языков евроазиатского ареала, генетически неродственных (южнославянские языки, албанский (см. Макаревич, 2013), тюркские (см. Slobin, Aksu, 1982), иранские, индоарийские, армянский,

картвельские, абхазо-адыгские, нахско-дагестанские, угро-финские и др. (Плунгян, 2011: 452–453, см. Кобрина, 2005), в которых эвиденциальность распространилась путем языковых контактов.

Следует обратить внимание, что эвиденциальность в качестве самостоятельной грамматической категории долгое время не выделялась, а ее значение становилось частью модально-временных характеристик действия, что способствовало образованию различных терминов (Плунгян, 2011: 453), например, «неочевидное время» в турецком языке. В семантике эвиденциальности, по мнению, В.А. Плунгяна, существенным является понятие доступа к информации, близкое по отношению к понятию знания (Плунгян, 2011: 450). Субъект может быть свидетелем произошедшего (в зрительном или слуховом плане), может быть его участником (*партиципантив*), либо предположить, что ситуация имела место на основании замеченных последствий (*инферентив*), знания определенных причинно-следственных связей как неких закономерностей окружающего мира (*презуптив*), либо узнать обо всем от другого лица (*репортатив* – *опосредованная информация*).

Теоретические основы исследования

В литературе вопроса выделяется множество классификаций эвиденциальных значений, однако наиболее известными и типологически влиятельными остаются две модели – классификация Т. Уиллетта (Willett, 1988) и система А. Айхенвальд (Aikhenvald, 2004). Уиллет различает три основных типа эвиденциальных значений: прямые (визуальные, аудитивные и прочие сенсорные, иначе *визуальная* и *невизуальная засвидетельствованность*) (Willett, 1988, цит. за: Плунгян, 2011: 468), не прямые инференциальные (основанные на умозаключении) и не прямые репортативные (основанные на передаче чужих слов) (там же, цит. за: Плунгян, 2011: 470). Классификация Т. Уиллетта (Willett, 1988) была дополнена исследованиями А. Айхенвальд (Aikhenvald, 2004), в которых прямой и не прямой доступ к информации частично совпадает с личным/неличным доступом (Плунгян, 2011: 463). Неличный доступ к информации является самым распространенным типом эвиденциальной семантики, называемым также репортативом (*ренарративом*, *цитативом*, англ. *hearsay* и др.) (Плунгян, 2011: 464). Именно такой показатель с широкой, внутренне нерасчлененной семантикой был обозначен Ж. Лазаром как *медиатив* (*médiatif*) (Lazard, 1957, цит. за: Плунгян, 2011: 466), а в тюркологической традиции – как *индиректив*, в русской традиции – *заглазность* (ср. Кибрик, 1977) или *косвенная засвидетельствованность* (ср.: Козинцева, 2007; Храковский, 2007) (цит. за Плунгян, 2011: 466), *пересказывательность* (Молошная, 1989: 63), *конфирмативность/неконфирмативность, дистантность, имперцептив* (Козинцева, 1994: 92–93). Общим термином следует, однако, считать термин *эвиденциальность*, который «относится как к случаям очевидности, конфирмативности, непересказывательности, так и к неочевидности, неконфирмативности, пересказывательности» (Козинцева, 1994: 93; цит. по Кобрина, 2005: 87).

Турецкий язык в типологии эвиденциальности – к постановке вопроса

Турецкий язык занимает особое место в типологии эвиденциальных систем, поскольку обладает грамматикализованным показателем непрямого доступа к информации – формой с показателем *-miş*, который обладает высокой степенью полисемии. Указанный суффикс впервые подробно рассматривается в научной статье D.I. Slobin, A.A. Aksu (1982) как показатель не просто пересказываемости (англ. *hearsay*), а способ выражения косвенного опыта (*indirect experience*), полученного через вывод (*inference*) или чужие слова.

Форма *-miş*:

- выражает незасвидетельствованность события/передачу информации от другого лица;
- может маркировать инферентивное значение (вывод по результату);
- используется в репортативном значении;
- функционирует в фольклорных и нарративных текстах;
- участвует в формировании перфектного значения.

Таким образом, *-miş* кумулирует несколько типов непрямого доступа и соответствует тому типу «нерасчлененного эвиденциального показателя», который в литературе вопроса относится к *медиативу* (Lazard, 1957, цит. за: Плунгян, 2011: 466) или *индирективу*. Слобин и Аксу доказывают, что эвиденциальность в турецком – это не только грамматика, но и способ кодирования источника знаний (англ. *source of knowledge*), который напрямую связан с когнитивным осознанием. Показатель *-miş* нередко сигнализирует внезапное осознание, новое знание или эффект неожиданности, что выводит эвиденциальность за пределы чисто грамматической категории. В работе Слобина и Аксу указывается, как носители языка используют формы с показателем *-miş* для выражения дистанции от события, неожиданности или иронии (снятие ответственности за достоверность сообщения и его оценка). Указанное подтверждает тезис И.А. Мельчука, который связывал эвиденциальность с модальностью, оценочностью, отчуждаемостью и др. (Мельчук, 1998: 250–251).

Эвиденциальность в турецком языке пересекается с еще одной семантической зоной: перфектностью. Форма на *-miş* может выражать перфектное значение – действие, имевшее место в прошлом, результат которого актуален в настоящем (Гузев, 1982: 71). Поэтому в грамматиках турецкого языка эвиденциальность рассматривается в рамках модально-темпоральных характеристик действия. Используются термины *неочевидность*, *прошедшее субъективное (прошедшее неочевидное) время* (Кононов, 1956: 231–233), *засвидетельствованность* (Якобсон, 1972: 101, 106), *заглазность* (Гузев, 1982: 73), *абсентивная модальность* (Кузнецов, 1982: 4), *прошедшее чужесловное время* (Любимов, 1973: 10). Именно это пересечение порождает феномен так называемого *эвиденциального перфекта* – результата, который воспринимается в настоящем и служит основанием для реконструкции прошедшего действия (Сорокин, 2017), ср.

[...] результат в эвиденциальном перфекте [...] реализуется в виде состояния, возникшего вследствие прошедшего действия и наличествующего на момент речи. [...] Если говорящий видит результат прошедшего действия, не будучи свидетелем самого действия, и выносит суждение о действии, он прибегает именно к результативно-неочевидному времени как эвиденциальному перфекту, например: *Bak, geceleyn kar yağmış – Смотри, ночью выпал снег. Güzel çizmişsin – Это ты красиво нарисовал* (Сорокин, 2017: 1036).

Предмет исследования/эмпирический материал

Предметом настоящего исследования является функционирование турецкого эвиденциального показателя *-miş* в художественном дискурсе и способы его передачи в русском переводе. Эмпирический материал составляют параллельные фрагменты оригинального турецкого текста романа Орхана Памука (*Masumiyet Müzesi*, 2008) и его русскоязычной версии *Музей невинности* (2009, перевод А. Аврутиной). Выбор художественного текста обусловлен тем, что именно в этом дискурсе эвиденциальность проявляет наибольшую семантическую вариативность и функциональную нагрузку.

Методологически исследование опирается на сопоставительный анализ параллельных текстов, предполагающий соотнесение исходной глагольной формы с ее переводным эквивалентом и выявление системных трансформаций. В отличие от языков, обладающих грамматикализованной категорией эвиденциальности, русский язык не располагает морфологическим медиативом. Поэтому анализ направлен на выявление стратегий перераспределения эвиденциального значения между различными уровнями языковой системы – морфологическим, синтаксическим и лексико-прагматическим.

Материал исследования включает репрезентативную выборку глагольных форм с показателем *-miş* (100 контекстов) в повествовательных и диалогических фрагментах текста. В анализ включаются как случаи перфектно-эвиденциального употребления, так и чисто репортативные или инферентивные контексты. Отдельно рассматриваются примеры, в которых *-miş* приобретает модально-оценочную или экспрессивную функцию.

Анализ эмпирического материала

В рамках анализа эмпирического материала рассматриваются следующие аспекты:

- семантический тип эвиденциального значения (инферентивное, репортативное, результативно-эвиденциальное);
- степень сохранения эвиденциального компонента в русском переводе;
- способы его компенсации (лексические маркеры, синтаксические средства, изменение нарративной перспективы);
- случаи полной/частичной нейтрализации эвиденциальности;
- взаимодействие эвиденциальности с аспектуальными и перфектными значениями.

Аналізу был подвергнут материал 100 контекстов¹. 42 принадлежат диалогической речи, 58 относится к нарративным. Указанный тип речи оказывает значительное влияние не только на семантику глагольных форм с показателем *-miş*, но и на способ ее передачи в русском языке. Нарративные контексты намного чаще приводят к нейтрализации в переводе. Зато диалогическая речь является показателем модально-оценочных характеристик действия. Анализ нижеуказанных контекстов показывает, что показатель *-miş* в романе реализует несколько семантических типов эвиденциальности. В настоящей статье представлен анализ типичных стратегий передачи турецкой эвиденциальности в русском переводе.

Полная или частичная нейтрализация эвиденциальности

В анализируемом турецком романе повествование основано на воспоминаниях главного героя, поэтому зафиксированные глагольные формы с показателем *-miş* часто указывают на события, предшествующие текущей точке отсчета. Таким образом, *-miş* функционирует прежде всего как средство организации временной перспективы воспоминаний рассказчика. В таких случаях русский перевод обычно нейтрализует эвиденциальную функцию и передает их с использованием обычного прошедшего времени, см.

Таб. 1. Нейтрализация эвиденциальности в русском переводе

№	Турецкий фрагмент (О. Pamuk, <i>Masumiyet Müzesi</i> , 2008)	Русский перевод (О. Памук, <i>Музей невинности</i> , 2009)
1	Şimdi liseyi bitirmiştir , ama sanmam ki doğru dürüst bir şey okusun.	А теперь она уже закончила лицей, хотя вряд ли толком чему-то научилась.
2	«Değiştirme canım, paranı geri iste. Çünkü seni fena kazıklamışlar .»	– Не надо, дорогой мой, лучше попроси вернуть деньги. Ведь тебя здорово надули .
3	Annem Merhamet Apartmanı'ndaki daireyi bundan yirmi yıl önce, biraz yatırım yapmak, biraz da arada bir gidip kafasını dinleyip oyalanacağı bir yer olsun diye almış ;	Мать купила ту квартиру в «Доме милосердия» двадцать лет назад – и в качестве вложения капитала, и чтобы было место, где она оставалась бы одна и могла отдохнуть.
4	«Bir kurban bayramında sizinle sokağa çıkmış, sonra arabayla gezmiştik ,» dedi Füsün gözleri parlayarak.	– Помните, однажды на Курбан-байрам мы пошли с вами гулять , а потом катались на машине. – Фюсун оживилась, и глаза её засияли.

¹ Свыше половины отобранных контекстов приводится в настоящей статье.

№	Турецкий фрагмент (O. Pamuk, <i>Masumiyet Müzesi</i> , 2008)	Русский перевод (O. Памук, <i>Музей невинности</i> , 2009)
5	«Bisikleti annemle biz evden geri getirmiştik ,» dedi her şeyi benden çok daha iyi hatırlayan Füsün. «Ağabeyin ve sen kullandıktan sonra, annen bisikleti yıllar önce bana vermişti .»	– Велосипед мы с мамой принесли из дома, чтобы вам вернуть, – сказала Фюсун. Она помнила все лучше меня. – За несколько лет до этого твоя мама отдала его мне, после того как на нем катался ты с братом.
6	«Çok üzücü bir hikâyedir o. Pek çok erkekle yattığı için o zavallı kadın çok aşağılanmıştır .»	– У той женщины была очень грустная жизнь. Она много страдала и видела много унижения от того, что легко отдавалась мужчинам.
7	«Demek ki hiç kimse, koluna takıp evlenecek kadar da âşık olmamış bu kadına.»	[...] никто из всех её мужчин на ней не женился, – проговорила Сибель. – Значит, никто из них не любил её по-настоящему.
8	Birkaç yıl önce dünyada yaygın olan uzun favori, yüksek topuk ve uzun saç modaların bittiğini, belli ki Türkiye’de pek çok zengin ve orta yaşlı erkek işitmemiş ya da buna inanmamıştı .	Было видно, что многие богатые турки среднего возраста либо не слышали , либо не придали тому значения , что мировая мода на бакенбарды, высокие каблуки и длинные волосы прошла несколько лет назад.
9	Öğleye doğru uyandığımda, Sibel çoktan kalkmış, yıkanmış, makyaj yapmış ve mutfakta bana kahvaltı bile hazırlamıştı .	Когда я проснулся, было около полудня. Сибель давно встала, умылась, сделала макияж и даже приготовила мне завтрак.
10	Eylül ayında sadece Sibel’den değil, kendimden de gizleyerek Merhamet Apartmanına üç kere daha girmiş , yatağa yatıp Füsün’un dokunduğu eşyaları elime alıp okuyucunun bildiği şekilde kendimi teselliye çalışmıştım .	В сентябре я три раза ездил в «Дом милосердия» и, лежа в кровати среди предметов, которых касалась она, пытался утешить себя .
11	Vapur gün ışıırken Üsküdüara yanasırken arabada ikimiz de uyuyakalmışız .	Когда на восходе солнца паром причаливал к Ускюдару, мы оба спали в машине.
12	Aylardır ilk defa deliksiz uyumuşum .	Впервые за много месяцев я погрузился в крепкий, беспробудный сон .
13	Babamın cesedi, öğleden sonra Beşiktaş’taki Sinan Paşa Camiinin morguna götürülmüştü .	После полудня тело отца увезли в морг при мечети Синан-паши в Бешикташе.

№	Турецкий фрагмент (O. Pamuk, <i>Masumiyet Müzesi</i> , 2008)	Русский перевод (O. Памук, <i>Музей невинности</i> , 2009)
14	[...] iki gün boyunca çok da zorlanmadan Füsün'a dört-beş tane mektup yazmış , bunlardan en makul ve soğukkanlı olanım sarı bir Satsat zarfına koymuştum .	За день до встречи я написал Фюсун четыре или пять писем и, выбрав наконец самое спокойное и рациональное из них, запечатал его в фирменный конверт «Cat-Cata» [...].
15	O beş-altı saniyede özgürdüm, ama özgür olduğum için de telaş etmemiş, onunla yan yanayürümüş, arkasından merdivenlerden yukarı çıkılmışım .	А в течение этих нескольких секунд я был совершенно свободен, ни о чем не беспокоился и просто шел рядом с ней.
16	Babasıyla televizyonun karşısına oturmuşlardı .	Она сидела перед телевизором рядом с отцом.
17	Ama çocuk yanıldığını anlayıp susmuştu .	Но мальчик уже понял, что ошибся, и промолчал .
18	Bu şişe yıllarca, Merhamet Apartmanındaki yatağın başucunda dikkatle korunmuştur .	Этой бутылке предстояло быть сохраненной на долгие годы в старой квартире «Дома милосердия».
19	Bütün çevreden, arkadaşlardan kopmuşum .	Я потерял связь со своей прошлой жизнью, со своим прежним кругом, со своими друзьями.
20	Arabayı ben kullanıyordum, Füsün yanıma oturmuştu .	Машину я вел сам, Фюсун сидела рядом со мной.
21	Danstan el ele ayrılıp yukarıya bara çıkıyormuşuz ; birbirimize korkunç âşık oluyormuşuz; ilerdeki ağaçların altında örüşüyormuşuz; evleniyormuşuz!	Мы уходим за руку с танцевальной площадки, поднимаемся наверх в бар; ужасно влюбляемся друг в друга; целуемся под деревьями в саду, женимся!
22	Çok içmiştim . Füsün da üç kadeh rakı içmişti , göz ucuyla saymışım .	Выпил я немало. Фюсун тоже пропустила уже три стаканчика раки.
23	«Şişe suyu arayacağım,» dedi. «Çok içmişiz . Fena susadım.»	– Я пойду поищу бутылку воды, – сказала она. – Мы слишком много выпили . Ужасно хочется пить.
24	«Neyse, malın gözü kız evlenmiş de zavallı herif kurtulmuş,» dedi Abdülkerim.	– Ну так что? Зазноба его вышла замуж, вот бедняге и повезло, – подытожил Абдулькерим.
25	«Nişan için davetiye gelmiş anneme,» dedi bir keresinde.	– Маме пришло приглашение на помолвку.
26	«Çocuk filmcilerle, Yeşilçamcılarla düşüp kalkıyormuş diye duymuş, üzülmüştüm ».	– Я как-то слышала , парень с киношниками водится, в «Йешильчам» ходит! Расстроилась .

№	Турецкий фрагмент (O. Pamuk, <i>Masumiyet Müzesi</i> , 2008)	Русский перевод (O. Памук, <i>Музей невинности</i> , 2009)
27	[...] ben Sibel ile nişanı Füsün'ü ünlü bir sinema oyuncusu yapmak için boz-mamıştım ... Feridun'a senaryoyu ben yazdırmamıştım . Ama bunlar ayrıntılardı. Gazete okurlarının ve dedikodu yapan herkesin anlayacağı şey, şu basit gerçektir: Ben aşkı ve Füsün için yaptıklarım yüzünden rezil olmuşum!	[...] я расторг помолвку с Сибель не для того, чтобы сделать Фюсун известной актрисой... И не заказывал сценарий Феридуну. Но то частности. Сплетники подхватили бы лишь одно: я опозорился из-за любви и из-за Фюсун!

Источник: собственный материал.

Следует отметить, что в большинстве случаев форма *-miş* реализует результативно-ретроспективное значение, которое, как правило, передается посредством форм прошедшего времени, преимущественно глаголов совершенного вида (см. № 3, 9, 10, 13, 14, 20), что позволяет сохранить временную соотносённость, но приводит к утрате эвиденциального компонента. Вместе с тем в ряде случаев наблюдается использование глаголов несовершенного вида (см. № 10, 21), что связано с особенностями аспектуальной интерпретации ситуации. Так, в № 10 форма *gitmiş, yatıp... çalışmıştım* передаёт итеративно-длительное действие, в то время как в русском переводе используется несовершенный вид (*ездил, пытался утешить*), акцентирующий процессуальность. В № 21 (цепочка форм *-yormuşuz*) несовершенный вид (*уходим, влюбляемся, целуемся*) отражает гипотетически воображаемую ситуацию, где аспектуальность оказывается более релевантной, чем эвиденциальность. Таким образом, выбор вида в русском переводе определяется не столько исходной формой *-miş*, сколько семантикой предиката (результативность vs. процессуальность) и типом контекста (реальное воспоминание vs. воображаемый сценарий).

Особый интерес представляют сложные глагольные формы с *-miş*, такие как *-mişti, -yormuş*, в которых сочетается несколько грамматических значений. Форма *-mişti* (см. № 9, 13, 14) объединяет плюсквамперфектное значение с эвиденциальностью, однако в переводе она последовательно передаётся как обычное прошедшее время, без эксплицитной маркировки источника знания. В форме *-yormuş* (№ 21) дополнительно выражается значение несовершенного вида и гипотетичности, что в русском языке реализуется через формы настоящего времени.

Важным аспектом является также противопоставление форм *-miş* другим прошедшим формам турецкого языка (напр., *-di, -yordu*), что позволяет выявить специфику эвиденциального значения. Так, в № 15 и 20 употребление *-miş* подчеркивает ретроспективную реконструкцию событий, тогда как формы на *-di* в аналогичных контекстах маркировали бы непосредственно пережитый опыт. В русском переводе данное противопоставление, как правило, нивелируется, поскольку обе формы передаются единым прошедшим временем, что ведёт к снижению семантической дифференциации источника информации.

Несмотря на общую тенденцию к нейтрализации, в ряде случаев в пределах данной группы сохраняются элементы инферентивного и репортативного значения. Так, в № 2 вывод о том, что адресат был обманут, делается на основании наблюдаемого результата (качество товара), что соответствует инферентивной эвиденциальности. Аналогичным образом в № 6 и 7 оценка ситуации основывается на совокупности фактов, а не на непосредственном восприятии.

Репортативное значение проявляется в примерах, связанных с передачей чужой информации или слухов: № 25 (сообщение о приглашении), № 24 (интерпретация общеизвестного факта), № 26 (введение источника *я как-то слышала*), № 27 (комментарий, апеллирующий к коллективному знанию). Однако в русском переводе эти значения чаще всего эксплицируются лексически или полностью нивелируются, что подтверждает тенденцию к переходу от грамматической к лексической маркировке эвиденциальности, представленной в следующей части анализа.

Лексическая компенсация

Материал показывает, эвиденциальная семантика переносится также в область эпистемической модальности. В диалогической речи перевод чаще использует лексические средства выражения модальности (*наверное, будто, оказывается, видно, вроде*), что позволяет передать субъективную оценку говорящего и сохранить прагматический эффект оригинала, см.

Таб. 2. Лексическая компенсация в русском переводе

№	Турецкий фрагмент (О. Pamuk, <i>Masumiyet Müzesi</i> , 2008)	Русский перевод (О. Памук, <i>Музей невинности</i> , 2009)
28	«Öteki ceketimin cebinde kalmış. »	«Она, наверное , осталась в нем».
29	Öğle güneşinden sonra gözlerim hâlâ dükkânın karanlığına alışmaya çalışıyordu; ama yüreğim, nedense, sahile vurmak üzere olan koskocaman bir dalga gibi ağzımın içinde kabarmıştı.	Глаза еще привыкали к темноте, когда меня вдруг будто жаром обдало.
30	«Sahi mi?» dedi babam. Yüzünde çantayı görmüş , çok beğenmiş ve oğlunun ve sevgilisinin mutluluğuyla mutlu olmuş gibi içten bir sevinç ifadesi belirdi, ama gözünü televizyondan ayır-mamıştı bile.	– В самом деле? – с интересом в голосе спросил отец. На его лице проявилось выражение искренней радости, будто он хорошенько разглядел подарок и рад , что его сын с любимой невестой счастливы . Но так и не оторвал глаз от телевизора.
31	«Hani senin kasvetlerin, sıkıntılarının geçmişti. » dedi annem babama.	– Ты вроде уже перестал грустить, – заметила мать.

№	Турецкий фрагмент (O. Pamuk, <i>Masumiyet Müzesi</i> , 2008)	Русский перевод (O. Памук, <i>Музей невинности</i> , 2009)
32	Şimdi ikimiz de Füsunu kaybettiğimiz için sanki birbirimize yakınlaşmıştık .	Казалось , нас обоих сблизила <u>внезапная</u> потеря Фюсун.
33	Cetveli kullandığı saatleri hatırlamak için, orada onunla oynayarak yatakta iki saat yatmışım . Bu o kadar iyi geldi ki, sanki Füsunu görmüşüm gibi mutlu hissettim kendimi.	Я пролежал так в кровати два часа. Линейка помогла мне почувствовать себя счастливым, будто и в самом деле рядом со мной была Фюсун.
34	«Çok ığrençmişsin ,» dedi Sibel.	– А ты мерзавец, оказывается , – всхлипнула она.
35	«Birbirinize o kadar âşıkmişsiniz ki, bazı Avrupalılar gibi, evliliğin aşkı öldürmesinden korktuğunuz için evlenmiyormuşsunuz ,» dedi.	– Вы так влюблены и не женитесь . Наверное , как европейцы, боитесь, что семейная жизнь убьет вашу любовь
36	«Yalıdan çıkılmışsın , ama annenle babanın evine de gitmiyormuşsun akşamları!» dedi.	– Оказывается , ты уехал с дачи, но и дома не ночуеть! – сказала она.
37	Sanki hayatımın merkezi dağılmış, geçmişim dünyaya gömülmüştü .	Но теперь, казалось , центр моей жизни растворился, исчез, и прошлое утекло в землю.
38	Sonra Füsün'un ablası varmış diye düşündüm, çünkü kapının eşiğinde, babanın arkasında Füsuna benzeyen, ama esmer bir başka güzel kız görmüştüm .	А потом я вдруг увидел на пороге какую-то девушку и решил, что это старшая сестра Фюсун, потому что она была тоже красивой и похожа на Фюсун, только смуглой.
39	«Annemle konuşmuşsun . Şimdi biz konuşalım.»	Значит , ты поговорил с мамой. А теперь давай мы поговорим.
40	Gene de bir içgüdüyle «Dikkaat,» diye bağırdım, sanki olup bitene Füsün hiç dikkat etmiyormuş gibi .	И все равно у меня автоматически вырвалось: «Осторожно-о-о!», будто Фюсун сама не понимала того, что происходит.
41	Ama liseli kız istiyormuşmuş gibi de yapamadım artık. O evlenmiş, boşanmış , koskocaman bir kadın. Akli başında, ne yaptığını da çok iyi biliyor. Siz ikiniz aranızda her şeyi konuşmuş , her şeye karar vermişsiniz .	Правда, сделать вид, <u>будто</u> мы школьницу сватаем, тоже не смогла. Она была замужем, развелась , совершенно взрослая женщина. Все прекрасно понимает. Умная, прекрасно знает, что делает. Вы уже обо всем договорились , все сами решили .

№	Турецкий фрагмент (О. Pamuk, <i>Masumiyet Müzesi</i> , 2008)	Русский перевод (О. Памук, <i>Музей невинности</i> , 2009)
42	Evde, odasına girip yatmadan önce, annem « Haklıymışsın ,» dedi bana. «Güzel, akıllı kadınmış . Sana iyi karı olur. Ama dikkat et, çok çekmiş gibi duruyor. Tabii ben bilmem, ama içindeki öfke, kin, neyse artık, hayatınızı zehirlemesin.»	Дома, прежде чем уйти к себе спать, мать сказала мне: «Ты прав . Она красивая, умная женщина. Она станет тебе хорошей женой. Но будь осторожен. Видно , что она много страдала. Я, конечно, не знаю... Но лишь бы гнев, ненависть, которую она держит в себе, или что там еще, не отравила вам жизнь».

Источник: собственный материал.

Анализ контекстов, представленных в таб. 2, показывает, что при лексической компенсации турецкий показатель *-miş* кодирует непрямой доступ к информации (*индиректив*), который в русском переводе систематически переосмысливается с помощью эпистемической модальности. В отличие от случаев полной нейтрализации, здесь эвиденциальный компонент не исчезает полностью, а переносится в область лексических и прагматических средств выражения субъективного знания.

Прежде всего, следует отметить, что переводчик активно использует модальные слова и вводные конструкции. Наиболее частотными являются: *навверное, будто, казалось, оказывается, видно, вроде*, которые сигнализируют неуверенность, вывод или опосредованность знания. Так, в примерах № 28 и 35 употребление *навверное* передаёт значение эпистемической неопределённости, характерное для формы *-miş*, когда говорящий делает предположение на основе косвенных данных.

В ряде контекстов (№ 29, 34) наблюдается передача значения внезапности и неожиданного осознания, реализуемого в переводе через наречие *вдруг*. Здесь эвиденциальность пересекается с аспектом когнитивного «момента открытия», когда говорящий фиксирует результат неожиданного восприятия ситуации.

Особую группу составляют примеры с маркером *будто* (№ 30, 33, 40, 41), где реализуется значение сравнительно-инферентивной модальности. В этих случаях говорящий интерпретирует ситуацию, опираясь на наблюдаемые признаки, но не утверждает её достоверность. Таким образом, *будто* воспроизводит эпистемическую дистанцию, присущую форме *-miş*.

Маркер *вроде* (№ 31) выражает ослабленную уверенность и указывает на субъективное восприятие информации, тогда как *казалось* (№ 32, 37) сигнализирует интерпретацию внутреннего состояния или ситуации, формируя перспективу, в которой знание представлено как результат субъективного восприятия, а не объективного факта.

Особого внимания заслуживают примеры с *оказывается* (№ 34, 36), где реализуется значение ретроспективного открытия, характерное для результативно-эвиденциального употребления *-miş*. В этих случаях перевод достаточно точно воспро-

изводит прагматический эффект оригинала, передавая момент позднего осознания или неожиданного знания.

Наконец, в примере № 42 маркер *видно* указывает на инферентивный вывод, основанный на наблюдаемых признаках, что также соответствует одному из базовых значений *-miş*.

Следует подчеркнуть, что лексическая компенсация наиболее характерна для диалогической речи, где прагматическая установка на выражение субъективного отношения и оценочности играет ключевую роль. В этих условиях использование модальных маркеров позволяет сохранить коммуникативную функцию эвиденциальности, несмотря на отсутствие её грамматического выражения в русском языке.

Модальная переинтерпретация

В отличие от нейтрализации и лексической компенсации, модальная переинтерпретация представляет собой более глубокую трансформацию семантики показателя *-miş*, при которой его исходное эвиденциальное значение не просто ослабляется или компенсируется, а переосмысливается как выражение психического и эмоционального состояния говорящего.

Таб. 3. Модальная переинтерпретация

№	Турецкий фрагмент (О. Pamuk, <i>Masumiyet Müzesi</i> , 2008)	Русский перевод (О. Памук, <i>Музей невинности</i> , 2009)
43	Kalbim hafifçe kırılmış , kafam karışmıştı ; yazıhaneye dönerken derin bir huzursuzluk hissediyordum.	Мысли путались и вводили в уныние, обида не давала дышать; возвращаясь к себе в контору, я очень нервничал .
44	«Aklımıza hiç gelmemişti ,» dedim kendim de neden çok daha önceden aklımıza gelmediğine hayret ederek.	– Нам в голову это не приходило , – я и сам удивился, почему мы с Сибель не догадались встречаться в квартире матери.
45	Benden hoşlanmadığını hissetmek keyfimi kaçırmamıştı hiç.	Я чувствовал, что не нравлюсь ему, но это совершенно не огорчало меня.
46	Bir an Füsün ile Kenan'ın geldiğini zannettiğim için kalbim hızlanmıştı .	Мое сердце забилося чаще. Почему-то на мгновение я решил, что к нам направляются Кенан и Фюсун.
47	Daha önce böyle bir şeyi hiç yaşamadığım için, ilk defa baskına uğrayan mağrur bir komutan gibi, tam bir akıl karışıklığına sürüklenmiştim .	Так как раньше со мной никогда не бывало ничего подобного, я по-настоящему растерялся , как самонадеянный капитан, впервые попавший в шторм.
48	Hayır, aptal değildim: Çünkü o beni kandırmıştı .	Нет, не как дурак: ведь это она меня обманула .

№	Турецкий фрагмент (O. Pamuk, <i>Masumiyet Müzesi</i> , 2008)	Русский перевод (O. Памук, <i>Музей невинности</i> , 2009)
49	Nişanlandığım için bana kırılmışsa , benden ayrılmaya karar vermişse -ki bunlarda pekâlâ haklı olabilirdi- o zaman niye bana yalan söylemişti ?	Если она обиделась на меня за помолвку и решила со мной расстаться, тогда почему обманывала меня?
50	Şehir benim için onu hatırlatan bir işaretler âlemi olup çıkmişti .	И город превратился для меня в музей напоминавших её знаков.
51	O kadar istediği şeyi yapıp niye onunla bir kerecik bile Kilyos Plajına gitmemiş-tim! Niye Allah'ın bana verdiği bu büyük hediyenin kıymetini bilememiştim!	Почему мы не ездили на пляж, хотя столько раз делали, что хотели? Почему не ценил я дар Аллаха?
52	Aşk acısına, yarağım yanlışın utancı da eklenmişti .	К любовной боли добавился стыд за совершенное только что.
53	Merhamet Apartmanı'na gidip yatağa yatmak, bir eşya ile oyalanmak bana iyi gelmişti .	Признаться, мне действительно стало легче после посещения «Дома милосердия».
54	Fusun'u görmüş olmak, aylar süren acımın büyük bir kısmını alıp götürmüştü .	Встреча с ней почти полностью успокоила боль, ощущавшуюся многие месяцы.
55	İçimi kendimden gizleyemediğim bir yaşama sevinci, bir mutluluk sarmıştı .	Я был так счастлив, что не мог скрыть это от себя.
56	Karnımın sol üst yanındaki ağrı şimdiden yumuşamış , bacaklarımdaki isteksizlik, sırtımdaki yorgunluk hissi kaybolmuştu .	В верхней левой части груди боль уменьшилась , исчезли слабость в ногах и тяжесть в спине.

Источник: собственный материал.

Как показывает анализ таб. 3, в данных контекстах форма *-miş* функционирует как средство фиксации внутреннего опыта субъекта, реконструируемого постфактум. Иными словами, эвиденциальность трансформируется в интроспективную модальность. Значительная часть примеров связана с передачей эмоциональных и психических состояний. Так, в № 43, 47 и 55 формы на *-miş* передают состояние внутреннего замешательства, тревоги или счастья, однако в русском переводе это значение реализуется через лексическое развертывание эмоции (*мысли путались, я растерялся, я был так счастлив*), без указания на косвенный характер знания. Аналогично в № 45 и 48 субъективное восприятие ситуации (*я чувствовал, она меня обманула*) представляется как непосредственное знание, хотя в турецком тексте оно оформлено как результат осмысления.

Особый интерес представляют примеры, в которых *-miş* передаёт когнитивные процессы и состояния памяти. В № 44 и 46 речь идёт о воспоминании или внезапном осознании (*нам это не приходило в голову, я решил, что...*), где турецкая форма маркирует дистанцию между событием и его последующей интерпретацией.

В русском переводе эта дистанция нивелируется, а внимание переносится на сам акт мышления или осознания, выраженный глаголами *удивился, решил*.

В ряде случаев наблюдается также переосмысление *-miş* как маркера оценки и внутреннего конфликта (№ 49, 51). Здесь формы на *-miş* передают гипотетическое рассуждение или ретроспективную рефлексию, однако в переводе они преобразуются в риторические вопросы, усиливающие экспрессивность высказывания и подчеркивающие эмоциональную вовлечённость субъекта.

Отдельную группу составляют контексты с результативным значением, где *-miş* указывает на состояние, являющееся результатом предшествующего события, осознаваемого говорящим постфактум. К ним относятся: физическое состояние (*боль уменьшилась* – № 56), изменение восприятия мира (*город превратился...* – № 50), результат эмоционального переживания (*добавился стыд* – № 52).

Таким образом, модальная переинтерпретация характеризуется утратой эпистемической дистанции и представлением информации как непосредственно переживаемой; а также усилением субъективности и психологической глубины повествования.

Изменение нарративной перспективы

В отличие от нейтрализации, лексической компенсации и модальной переинтерпретации, стратегия изменения нарративной перспективы предполагает более радикальную трансформацию: в процессе перевода происходит перераспределение источника знания, точки зрения и фокуса высказывания. В результате эвиденциальное значение показателя *-miş* не просто ослабляется, а интегрируется в новую нарративную структуру, где изменяется соотношение между субъектом восприятия и сообщаемым фактом.

Таб. 4. Изменение нарративной перспективы

№	Турецкий фрагмент (О. Pamuk, <i>Masumiyet Müzesi</i> , 2008)	Русский перевод (О. Памук, <i>Музей невинности</i> , 2009)
57	Bulamıyordu, çünkü mutfağa gidiş gelişlerimde, kaşla göz arasında şemsiyeyi girişteki aynalı dolabın arkasına atmışım .	Поиски ни к чему не привели, потому что, готовя чай, я незаметно спрятал его в прихожей за вешалку.
58	Bu antropolojik bilgiyi buraya, Füsün'un aşk hikâyelerinin içimde uyandırdığı kıskançlıkla aramda bir uzaklık olsun diye koyduğumu dikkatli okurlar hissetmişlerdir . En çok Turgay Bey'i kıskanmışım	Я заговорил о женщинах, дабы несколько отдалиться от темы ревности, которую пробудили во мне истории Фюсун. Больше всего мне не давал покоя Тургай-бей.
59	«Görüyor musun?» dedi Sibel daha sonra kulağıma. «Çocuğu ürküttü. Alay etti sanmıştır. »	– Ну вот! – вздохнула через некоторое время Сибель. – Испугали парня. Он решил , что над ним смеются.

№	Турецкий фрагмент (О. Pamuk, <i>Masumiyet Müzesi</i> , 2008)	Русский перевод (О. Памук, <i>Музей невинности</i> , 2009)
60	Bunun «o» çanta olduğunu bile, Füsün'un kolunda ilk başta gördüğümde anlayamamıştım . Ama «o» çantayı ben, hayatımın en mutlu anından az önce, Şanzelize Butik'te Şenay Hanım'dan satın alıp, sonra sokakta Füsün ile rastlaşıp Merhamet Apartmanı'na geri getirmemiş miydim? Jenny Colon çanta dün de oradaydı. Nasıl oluyordu da şimdi buradaydı? Bir hokkabazın karşısında şaşırmış gibi kafam karışmıştı .	Я видел сумку на руке Фюсун, но не заметил , что она та самая, купленная мною. Но ведь мне её продала Шенай-ханым, и когда я встретил Фюсун на улице, то отнес сумку в «Милосердие»! Она еще вчера лежала там. Как же получилось, что сейчас эта сумка объявилась здесь? Я растерялся , как зритель в цирке перед ловким фокусником.
61	Satsat çalışanlarının en dikkatsizleri bile, patronlarına sinen kara hüznü fark etmişlerdi .	Даже самые рассеянные сотрудники «Сат-Сата» замечали , какая черная тоска обуяла их молодого директора.
62	Kışları İstanbul sokaklarında hep hissettiğim gibi, yazın fark ettiğim güzel kızlar ortalıktan kaybolmuş, kadınlar çirkinleşmiş, erkekler de daha karanlık ve daha tehditkar bir havaya bürünmüşlerdi.	Только красавиц девушек среди них поубавилось. Они, как цветы, появлялись только летом, а зимой обычно исчезали . Женщины стали некрасивыми , а мужчины выглядели мрачными и даже грозными.
63	Herkesin bildiği bu şeyi, benim de bildiğimi sanıyormuş .	Конечно, я был последним, кто об этом узнал .

Источник: собственный материал.

В ряде случаев (№ 57) в турецком тексте акцент делается на процессе действия и скрытой причине события, тогда как в русском переводе фокус смещается на результат ситуации: тур. «Bulamıyordu... atmıştım», буквально: «*Она не могла найти, потому что я (оказывается/незаметно) спрятал...*», лит. «*Поиски ни к чему не привели... я незаметно спрятал...*». Здесь исчезает имплицитная эвиденциальность (факт обнаруживается постфактум), а высказывание приобретает характер прямого объяснения ситуации.

В примере № 58 турецкий текст содержит метанарративный комментарий: тур. *dikkatli okurlar hissetmişlerdir*, буквально: «*внимательные читатели, вероятно, заметили...*», лит. «*Я заговорил о женщинах, дабы несколько отдалиться...*». В официальном переводе устраняется обращение к читателю и наступает переход к авторскому «я». Это пример смены коммуникативной перспективы: от интересубъективной (автор–читатель) к субъективной (автор–саморефлексия).

В диалогическом примере № 59: тур. *alay etti sanmıştır*, буквально: «*он, должно быть, подумал, что над ним смеются*», переводится как «*Он решил, что над ним*

смеются» приводит к исчезновению эпистемической дистанции и усилению определенности высказывания.

Особенно показателен пример № 60, в котором употребляется серия форм с *-miş* (*anlayamadım, karıştı*), что передает состояние растерянности и ретроспективного осознания. Русский перевод перестраивает текст в последовательность: утверждений и вопросов, ср. «Я видел... но не заметил... Как же получилось...». Таким образом разворачивается внутренний процесс понимания.

Выводы

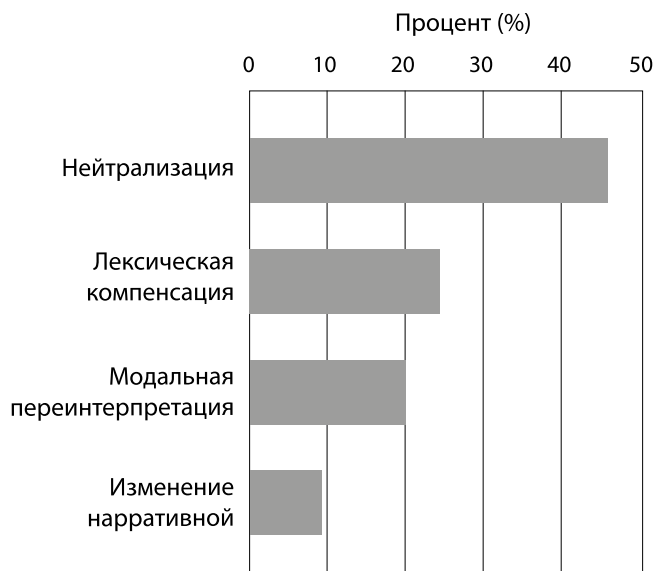

Рис. 1. Способы передачи эвиденциальности в русском переводе

Источник: собственный материал.

Наиболее частотной стратегией передачи эвиденциальности в русском переводе является нейтрализация, составляющая около 46 % всех проанализированных случаев. Значительно реже используется лексическая компенсация (около 24%), при которой значение эвиденциальности передаётся при помощи модальных слов и наречий (например, *наверное, будто, оказывается, видно*), а также средств, передающих внезапность (*вдруг*). Модальная переинтерпретация наблюдается приблизительно в 20% контекстов и проявляется в усилении субъективной оценки, эмоционального состояния или состояния памяти. Наименее распространённой стратегией является изменение перспективы (около 9%), при котором перевод трансформирует точку зрения или синтаксическую структуру высказывания.

Проведённый анализ показал, что турецкий показатель *-miş* представляет собой полисемантическую грамматическую единицу, совмещающую в себе эвиденциальные, перфектные и модально-оценочные значения. Его базовая семантика

сводится к указанию на не прямой доступ к информации, тогда как конкретный способ получения знания (инферентивный, репортативный или результативно-эвиденциальный) определяется контекстом и прагматическими условиями. Результаты сопоставительного анализа подтверждают, что в русском языке данная категория не имеет прямого морфологического эквивалента, вследствие чего в переводе наблюдается систематическое перераспределение семантической нагрузки показателя *-miş*. Прежде всего, его эвиденциальное значение в значительной степени утрачивается, тогда как временные и аспектуальные характеристики сохраняются и нередко усиливаются за счёт использования видо-временной системы русского глагола.

Наиболее частотной стратегией является нейтрализация, при которой формы на *-miş* передаются как обычное прошедшее время без указания на источник информации. Это приводит к смещению от грамматически маркированной эвиденциальности к нейтральному повествованию, в котором сообщаемая информация интерпретируется как достоверный факт, а не как результат косвенного знания или субъективной интерпретации. Вместе с тем в диалогических контекстах широко используется лексическая компенсация, при которой эвиденциальная семантика переносится в сферу эпистемической модальности. Модальные слова позволяют сохранить указание на не прямой характер знания и эпистемическую дистанцию говорящего. Таким образом, происходит функциональная трансформация эвиденциальности: из морфологической категории турецкого языка она переходит в область лексико-прагматических средств русского языка.

Стратегия модальной переинтерпретации демонстрирует ещё более глубокую трансформацию: эвиденциальность переосмысливается как выражение внутреннего состояния или эмоции. В этих случаях утрачивается значение источника информации, а на первый план выходит интроспективное повествование, характерное для художественного дискурса. При изменении нарративной перспективы происходит перераспределение источника знания и точки зрения, в результате чего эвиденциальность не сохраняется напрямую, а растворяется в новой структуре высказывания. Это ведёт к сокращению эпистемической дистанции и формированию более категоричного и определённого нарратива.

Особое значение имеет взаимодействие эвиденциальности с аспектуальными и перфектными значениями. В турецком языке форма *-miş* тесно связана с перфектностью и результативностью, тогда как в русском переводе эти значения распределяются между: видовой оппозицией (совершенный/несовершенный вид), лексическими средствами, синтаксической организацией высказывания. Таким образом, эвиденциальность в переводе оказывается подчинённой более широкой аспектуально-модальной интерпретации текста.

Полученные результаты имеют значение для сопоставительной аспектологии, тюркологии и теории перевода, поскольку позволяют уточнить механизмы взаимодействия эвиденциальности, модальности и аспектуальности в условиях межъязыкового соответствия.

Библиография / Bibliografiâ

Гузев В.Г. (1982), *Парадигма глагольных финитных форм как морфологическая категория*, «Советская тюркология», № 4, с. 67–77 / Guzev V.G. (1982), *Paradigma glagol'nyh finitnyh form kak morfoložičeskaja kategorija*, «Sovetskaja tjurkologija», № 4, s. 67–77.

Кибрик А.Е. (1977), *Опыт структурного описания арчинского языка*, т. 2, Москва: МГУ / Kibrik A.E. (1977), *Opyt strukturnogo opisaniâ arčinskogo âzyka*, t. 2, Moskva: MGU.

Кобрина О.А. (2005), *Категория эвиденциальности: ее статус и формы выражения в разных языках*, «Вопросы когнитивной лингвистики», № 1(004), с. 86–98 / Kobrina O.A. (2005), *Kategorijâ èvidencial'nosti: ee status i formy vyraženiâ v raznyh*, «Voprosy kognitivnoj lingvistiki», № 1(004), s.86–98.

Козинцева Н.А. (1994), *Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа)*, «Вопросы языкознания», № 3, с. 92–104 / Kozinceva N.A. (1994), *Kategorijâ èvidencial'nosti (problemy tipologičeskogo analiza)*, «Voprosy âzykoznanijâ», № 3, s. 92–104.

Козинцева Н.А. (2007), *Типология категории засвидетельствованности*, [в:] В.С. Храковский (ред.), *Эвиденциальность в языках Европы и Азии*, Санкт-Петербург: Наука, с. 13–36 / Kozinceva N.A. (2007), *Tipologijâ kategorijâzasvidetel'stvovannosti*, [v:] V.S. Hrakovskij (red.), *Èvidencial'nost' v âzykah Evropy i Azii*, Sankt-Peterburg: Nauka, s. 13–36.

Кононов А.Н. (1956), *Грамматика современного турецкого литературного языка*, Москва–Ленинград: Изд-во АН СССР / Kononov A.N. (1956), *Grammatika sovremennogo tureckogo literaturnogo âzyka*, Moskva–Leningrad: Izd-vo AN SSSR.

Кузнецов П.И. (1982), *Система функциональных форм глагола в современном турецком языке*, «Советская тюркология», № 1, с. 3–21 / Kuznecov P.I. (1982), *Sistema funkcional'nyh form glagola v sovremennom tureckom âzyke*, «Sovetskaâ tjurkologijâ», № 1, s. 3–21.

Любимов К.М. (1973), *Абстрактное наклонение в турецком языке*, «Советская тюркология», № 3, с. 9–22 / Lûbimov K.M. (1973), *Abstraktnoe naklonenie v tureckom âzyke*, «Sovetskaâ tjurkologijâ», № 3, s. 9–22.

Макарцев М.М. (2013), *Эвиденциальность в пространстве балканского текста*, Москва–Санкт-Петербург / Makarcev M.M. (2013), *Èvidencial'nost' v prostranstve balkanskogo teksta*, Moskva–Sankt-Peterburg.

Мельчук И.А. (1998), *Курс общей морфологии*, т. II, ч. II, Москва: Языки русской культуры / Mel'čuk I.A. (1998), *Kurs obšej morfologii*, t. II, č. II, Moskva: Azyki russkoj kul'tury.

Молошная Т.Н. (1989), *Категория пересказывательности болгарского глагола*, «Советское славяноведение», № 2, с. 63–73 / Mološnaâ T.N. (1989), *Kategorijâ pereskazyvatel'nosti bolgarskogo glagola*, «Sovetskoe slavânovedenie», № 2, s. 63–73.

Сорокин С.В. (2017), *К вопросу о реализации семантики результативности в турецком языке*, [в:] Prof. Dr. Talat Tekin Hatıra Kitabı, т. II, с. 1029–1077 / Sorokin S.V. (2017), *K voprosu o realizacii semantiki rezul'tativnosti v tureckom âzyke*, [v:] Prof. Dr. Talat Tekin Hatıra Kitabı, t. II, s. 1029–1077.

Храковский В.С. (2007), *Эвиденциальность, эпистемическая модальность, (ад)миративность*, [в:] В.С. Храковский (ред.), *Эвиденциальность в языках Европы и Азии*, Санкт-Петербург: Наука, с. 600–632 / Hrakovskij V.S. (2007), *Evidencial'nost', èpistemičeskaâ modal'nost', (ad)mirativnost'*, [v:] V.S. Hrakovskij (red.), *Evidencial'nost' v âzykah Evropy i Azii*, Sankt-Peterburg: Nauka, s. 600–632.

Якобсон Р.О. (1971), *Круговорот лингвистических терминов*, [в:] Ф.П. Филин (отв. ред.), *Фонетика. Фонология. Грамматика: К 70-летию А.А. Реформатского*, Москва: Наука, с. 384–387 / Jakobson R.O. (1971), *Krugovorot lingvističeskikh terminov*, [v:] F.P. Filin (otv. red.), *Fonetika. Fonologija. Grammatika: K 70-letiju A.A. Reformatskogo*, Moskva: Nauka, s. 384–387.

Якобсон Р.О. (1972), *Шифтеры, глагольные категории и русский глагол*, [в:] О.Т. Ревзина (сост.), *Принципы типологического анализа языков различного строя*, Москва: Наука, с. 95–113 / Jakobson R.O. (1972), *Šiftery, glagol'nye kategorii i russkij glagol*, [v:] O.T. Revzina (sost.), *Principy tipologičeskogo analiza âzykov različnogo stroâ*, Moskva: Nauka, s. 95–113.

Aikhenvald A.Y. (2003), *Evidentiality in typological perspective*, [in:] A.Y. Aikhenvald, R.M.W. Dixon (red.), *Studies in evidentiality*, Amsterdam: Benjamins, s. 1–32.

Aikhenvald A.Y. (2004), *Evidentiality*, Oxford: Oxford University Press.

Chafe W., Nichols J. (red.) (1986), *Evidentiality: The linguistic coding of epistemology*, Norwood (NJ): Ablex.

Guentcheva Z., Landaburu J. (red.) (2007), *L'énonciation médiatisée II: Le traitement épistémologique de l'information: illustrations amérindiennes et caucasiennes*, Louvain: Peeters.

Lazard G. (1957), *Caractères distinctifs de la langue tadjik*, «Bulletin de la Société de Linguistique de Paris», vol. 52, s. 117–186.

Slobin D.I., Aksu A. (1982), *Tense, aspect, and modality in the use of the Turkish evidential*, [w:] P. Hopper (red.), *Tense-aspect: Between Semantics and Pragmatics*, Amsterdam: Benjamins, s. 185–200.

Willett T. (1988), *A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality*, «Studies in Language», vol. 12(1), s. 51–97.

Источники эмпирического материала / Источники эмпирического материала

Pamuk O. (2008), *Masumiyet Müzesi*, İstanbul.

Памук О. (2009), *Музей невинности*, пер. А. Аврутиной, Санкт-Петербург: Амфора / Pamuk O. (2009), *Muzej nevinnosti*, per. A. Avrutinoj, Sankt-Peterburg: Amfora.